

Отзыв на диссертацию Н.А. Кутявина «Радикальные славянские неоязычники в общественно-политической жизни России в конце XX – начале XXI в.»

Диссертация Н.А. Кутявина представляет безусловную ценность как первое в России исследование такого объема, где миметическая теория Рене Жирара встраивается в методологию историко-антропологического исследования – вместо того чтобы рассматриваться как «замкнутая на себе» теоретическая система. Этот сдвиг перспективы характерен сегодня для многих «жирардианцев» по всему миру, и то, что диссертант не просто пересказывает теорию Жирара, а творчески прилагает ее к анализу собранного им уникального эмпирического материала, можно лишь приветствовать.

Поскольку я не специалист по неоязычеству, но много лет занимаюсь Жираром и перевел некоторые из его книг – в том числе цитируемые в диссертации, – то позволю себе прокомментировать лишь этот ее аспект, оставив все прочее за рамками отзыва.

Представляется, что самые продуктивные идеи Н.А. Кутявина в этой связи – это гипотезы об обусловленности зарождения российского неоязычества (откуда бы мы ни вели отсчет) ситуацией «жертвенного кризиса» в позднесоветском обществе, а также о соперничестве неоязычников с радикальными православными кругами. Эти предположения объясняют и враждебность неоязычников к христианству (которое стало «препятствием и образцом», С. 109), и пролиферацию образов врага, которые чаще всего сводились к антисемитским. Помимо этого, они позволяют объяснить изначальное преобладание у неоязычников дискурсов «от противного» и некоторую хаотичность их попыток сформулировать позитивную программу собственного мировоззрения. Поскольку представленный в работе эмпирический материал сам по себе – довольно разнородный, сильно заряженный «языком ненависти» и трудно поддающийся анализу, жираровская теория служит хорошим подспорьем в том, чтобы найти за этими нагромождениями что-то реальное – отражение объективных социальных процессов и попыток выйти из кризиса.

Хотя остается открытым вопрос, так ли уж необходимо в диссертации о неоязычестве исследовать древнее славянское язычество (которому посвящен параграф 1.2 работы), применение к нему категорий жираровского анализа также позволяет выявить много интересных мест: это касается, например, трактовки убийства древлянами князя Игоря как жертвоприношения «козла отпущения» или истории о Феодоре и Иоанне. Добавлю, что попытка провести системное разграничение между язычеством и неоязычеством отчасти произвольно выливается у автора в критику последнего: утверждается, что неоязычество «не учитывает практическую сторону жизни древних славян, послужившую

основой для этого мировоззрения» (С. 55), а последователи этого движения «в массе своей плохо представляют, для чего их предкам нужны были обряды и вероучение» (С. 192). Однако авторы рассматриваемых текстов, в сущности, и не обязаны ничего представлять, тем более на таком глубоком функциональном уровне. Возникает впечатление, что в этих пассажах воспроизводится христианская предубежденность Жирара, который противопоставлял «архаическое религиозное» христианству как «высшей форме» религии, которая якобы в основе своей осознала, как религия функционирует в принципе, и за счет этого смогла диалектически преодолеть и одновременно вобрать в себя архаику. Наряду с этим в работе встречаются и более спорные образцы жирардианского анализа. В частности, представляется чуть более натянутым рассмотрение антисемитских выпадов как «текстов гонений», поскольку они не направлены на прямую легитимацию насилия в отношении какой-либо группы, как это было в истории (и у Жирара). Вероятно, здесь больше подошел бы классический анализ образов врага, как он представлен, например, в работах таких исследователей, как Дж. Аго, М. Юргенсмейер или Л.Д. Гудков. Это же касается и анализа ультраправого терроризма как примера «устремления к крайности». Полагаю, что по отношению к описываемому феномену этот концепт избыточен и объясняет недостаточно – можно было бы удовольствоваться постулированием того, что любое насилие рассматривает себя как ответ на другое и большее насилие.

Наконец – и это уже не имеет отношения к Жирару, – не до конца понятно, зачем в диссертации понадобилось при помощи Дюркгейма отграничивать религию от магии, которая к тому же называется «когнитивным искажением» (С. 54): представляется, что это отделение мало способствует достижению целей исследования и к тому же не учитывает альтернативных точек зрения.

Тем не менее данные замечания, которые можно было бы предъявить работе, не умаляют ее достоинств и общей ценности как важного события в российском религиоведении и антропологии религии. Ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4 – «этнология, антропология и этнография».

Зыгмонт Алексей Игоревич,

кандидат философских наук, независимый исследователь

